

Новый Журнал

THE NEW REVIEW

Основатель М. ЦЕТЛИН

Тринадцатый год издания

Кн.
XXXIX
1954

БОРИС ЗАЙЦЕВ. ЧЕХОВ. Литературная биография. Изд-во им. Чехова. Нью-Йорк. 1954. Printed by Kaussen Bros.

В 1954 году исполнилось 50 лет со смерти А. П. Чехова. Нью-Йоркское издательство его имени выпустило к этому траурному юбилею ценную книгу. Она принадлежит перу известного писателя Б. К. Зайцева, в ранней молодости лично знавшего Чехова, тщательно изучившего его литературное наследство и, что пожалуй наиболее важно, в значительной степени психологически созвучного чеховской музе. Манере Зайцева тоже свойственны мягкость, лиризм, полутона, грусть, что во многом характерно и для чеховского творчества. Б. К. Зайцев *любит* Чехова, и эта любовь освещает всю книгу, задача которой — воссоздать облик писателя, скромно считавшего себя автором «средней величины», но ставшего в ряд знаменитых русских мастеров слова.

Почти господствующим стало мнение о Чехове, как о непоколебимом позитивисте рубежа 19/20 веков, как о горячем стороннике науки и идеи прогресса. Об этом говорят чеховские записные книжки, дневники, письма и ряд его художественных произведений. Если пользоваться только цитатами, вложенными Чеховым в уста его персонажей, то, подбирая их так или иначе, можно Чехова изобразить и последовательным материалистом, и человеком глубоко аполитичным, «с древком без знамени». Кем же он был в действительности?

Именно этим вопросом и занят Б. К. Зайцев в своей книге «Чехов». Используя не только анализ чеховских произведений, но пристально изучая биографический материал, письма, воспомина-

ния современников и проверяя свои собственные впечатления от встречи с Чеховым, Зайцев хочет увидеть и изобразить, как «*наружного*», так и «*внутреннего*» (по его, Зайцева, словам) Чехова, показать то психологически-скрытое, что было (или — что *могло* быть) в Чехове, но бережно им хранилось в интимных глубинах сердца и что иной раз... даже и им самим, может быть, не осознавалось...

Чего же именно ищет с особой тревогой и настойчивостью Зайцев у Чехова? Глубинных религиозных эмоций, зароненных в чеховскую душу еще в детстве и пронесенных через всю жизнь, что иногда всплывало на поверхность и освещало его страницы благодным светом. На стр. 13-14 книги — ключ ко всему замыслу Б. К. Зайцева: «...но так ли уж бесследно проходило для души общение с великим и святым? того мы не знаем. А что в Чехове под внешним жило и внутреннее, иногда вовсе на внешнее не похожее, это увидим еще, всматриваясь в его жизнь и писание, сличая внешнее, отвечавшее серой эпохе, с тем внутренним чего, может быть сознательный Чехов, врач, наблюдатель, пытавшийся наукою заменить религию, и сам не очень-то понимал».

Действительно, вся книга Зайцева так и построена, чтобы обнаружить нечто иррациональное в Чехове и его писаниях. С особым вниманием рассматриваются образы священника Христофора («Степь»), религиозных крестьян («Мужики»), Аксиньи, носящей на себе отблеск образа Матери-Девы («В овраге»), архиерея (рассказ под этим названием). Откуда у позитивиста Чехова такая «пронзительная» прозорливость в сфере таинственных религиозных чувств? Нужно признать, что замысел Б. К. Зайцева обогащает «чеховиану», в особенности теперь, когда с явным злоупотреблением подчеркивается сомнительный прямолинейный позитивизм (и будто бы атеистический материализм) Чехова. Зайцев заставляет над многим задуматься и переоценить.

Книга его носит несколько непривычный подзаголовок: «литературная биография». Понимать это надо, повидимому, не как обычный историко-литературный этюд, а как воссоздание облика Чехова *художественными* приемами: писатель-художник рисует портрет, выделяя те особые черты «натуры», которые предстают перед ним особенно выразительно. Б. К. Зайцев во многом *угадывает* то угаемое, что теплилось в Чехове и что не может быть доказано документально. Подобное угадывание тем доступнее автору, что он — сам художник, знающий то смутное состояние души, когда иррациональное многое определяет в творчестве.

Однако, вышеуказанный замысел иногда влечет за собой не-

произвольную ретушь: чувствуется ироническая предвзятость в характеристике интеллигентов-позитивистов («в пенснэ и с бородами») рубежа 19/20 столетий, презрительность к «буревестникам» (типа М. Горького), которые все-таки сыграли не только отрицательную роль в «серую эпоху» среди «хмурых людей». К сожалению, мало уделено внимания особенностям чеховского юмора (особенно — в начальный период), и «секретам» чеховской писательской манеры, его драматическому новаторству. Впрочем, все эти вопросы могли бы увести писателя в сторону и нарушить композицию целостного художественного портрета, сделанного нежнейшими штрихами зайцевской пастели; главы о «Чайке» и Лике Мишиной, об ялтинской жизни и о любви — действительно образцовые страницы романизированной биографии: облик Чехова и его спутников поэтичен и предельно-выразителен.

«Чеховиана» все пополняется новыми «ума холодными наблюдениями и сердца горестными заметами», в них еще бурлят идейные расхождения, искания, обостряемые особенностями нашей расколотой на два лагеря эпохи, и, очевидно, ждать всестороннего объективного изображения «всего» Чехова, во всей его сложности, даже через пол-столетия после его смерти еще невозможно. Но те черты психологии и мастерства Чехова, которые Б. К. Зайцев выдвигает на первый план в своей ласковой книге и которые почти не затрагивались раньше, очень существенны, их замалчивать нельзя, — они подмечены зорким глазом и делают более полным наше представление об удивительном Чехове, слава которого неизменно продолжает расти.

Петр Ершов